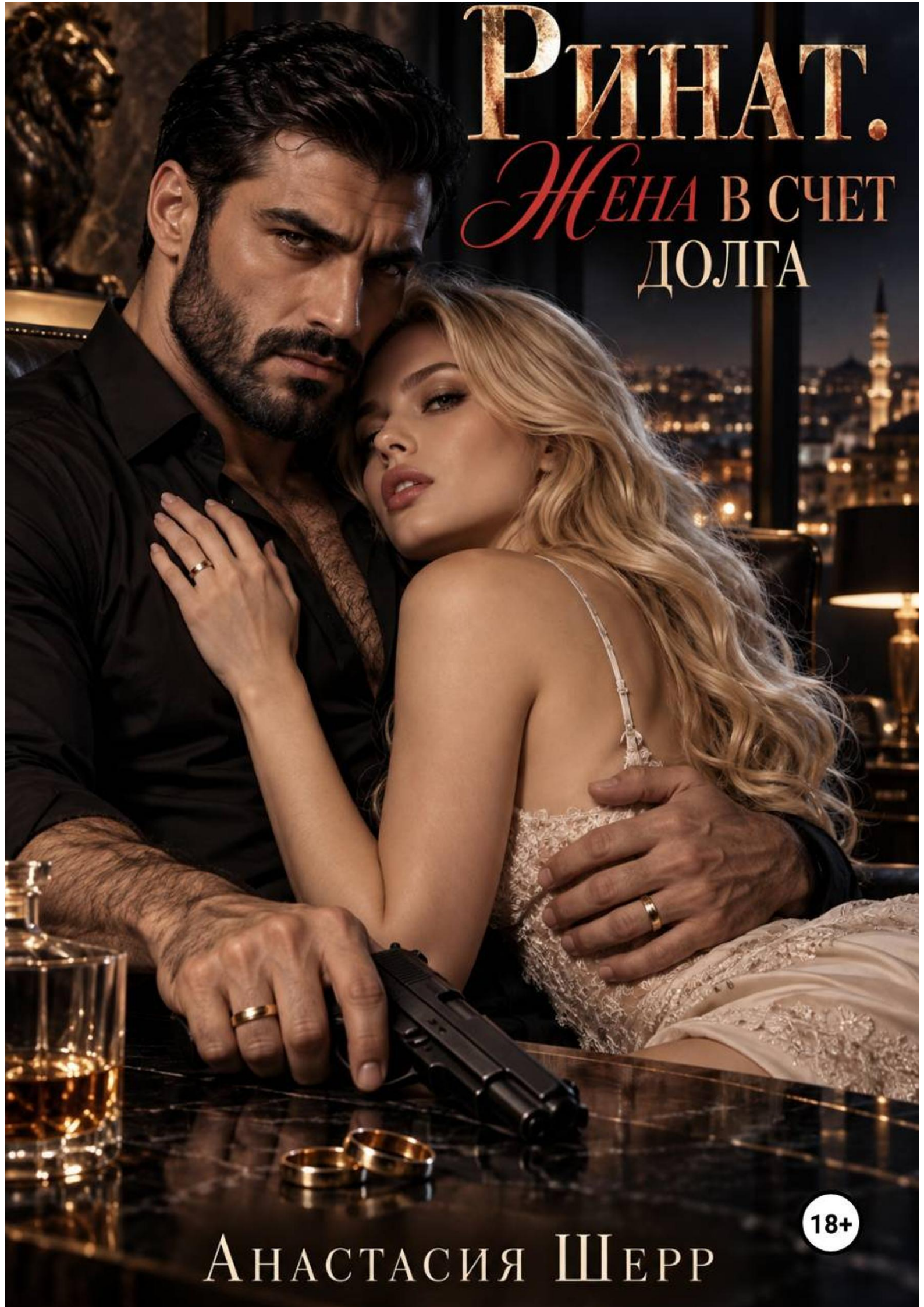

РИНАТ.

ЖЕНА В СЧЕТ
ДОЛГА

АНАСТАСИЯ ШЕРР

18+

Анастасия Шерр

Ринат. Жена в счет долга

«Автор»

2026

Шерр А.

Ринат. Жена в счет долга / А. Шерр — «Автор», 2026

Отец проиграл всё. Деньги. Бизнес. Моё будущее. А потом отдал меня за долги Ринату Тарханову. Мужчине, которого боится половина города. Я должна была стать его женой. Жить в его доме. Спать в его постели. Подчиняться правилам человека, о котором ходят страшные слухи. Я ненавидела его ещё до свадьбы. А потом Ринат оказался совсем не таким, каким я его представляла. Он позволил мне учиться. Защищал. Заботился. Сводил с ума одним прикосновением. И я совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Я влюбилась в собственного мужа. Только слишком поздно узнала, что у Рината есть другая сторона. Та, которую он прятал от меня. И женщина, которую он так и не сумел оставить в прошлом. Теперь я беременна от мужчины, которого люблю до безумия. И уже не знаю, что страшнее: остаться с ним или однажды потерять его навсегда.

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

Ринат. Жена в счет долга

Отец проиграл всё. Деньги. Бизнес. Моё будущее. А потом отдал меня за долги Ринату Тарханову. Мужчине, которого боится половина города. Я должна была стать его женой. Жить в его доме. Спать в его постели. Подчиняться правилам человека, о котором ходят страшные слухи. Я ненавидела его ещё до свадьбы. А потом Ринат оказался совсем не таким, каким я его представляла. Он позволил мне учиться. Защищал. Заботился. Сводил с ума одним прикосновением. И я совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Я влюбилась в собственного мужа. Только слишком поздно узнала, что у Рината есть другая сторона. Та, которую он прятал от меня. И женщина, которую он так и не сумел оставить в прошлом. Теперь я беременна от мужчины, которого люблю до безумия. И уже не знаю, что страшнее: остаться с ним или однажды потерять его навсегда.

ЖЕНА В СЧЁТ ДОЛГА

ГЛАВА 1

В тот день я узнала, что у моего отца есть цена. И что расплачиваться за чужие долги придётся мне. Я уже натянула пальто и пыталась застегнуть молнию, заевшую у самого подбородка, когда Олег вышел из кухни с бокалом в руке и перегородил коридор. Пахло от него коньяком, дорогим табаком и жареным луком. Марина опять готовила на ужин мясо, хотя сама ела одни салатные листья и потом полвечера рассказывала, как тяжело сохранять фигуру. Мне хотелось уйти в мастерскую при колледже, закончить макет для зачёта и вернуться после девяти, когда отец уже уснёт перед телевизором. Вместо этого он посмотрел на мои ботинки, на длинную тёмную юбку, на свитер под горло и сказал, что сегодня я никуда не пойду.

— У меня защита через неделю. Я обещала преподавателю закончить макет.

Он отпил из бокала и усмехнулся. Лицо у него было красное, веки тяжёлые. Когда отец пил, спорить с ним было бесполезно, но последние месяцы он почти не бывал трезвым, и я научилась выбирать момент, когда ещё можно достучаться до человека, а не до злого пьяного тела в дорогой, но несвежей рубашке.

— Макет подождёт. К семи приедет Тарханов.

Пальцы перестали слушаться. Я так и осталась держать бегунок молнии, заевший ткань. Имя я слышала не впервые. Ринат Тарханов существовал в нашей семье как плохая погода, которая когда-нибудь накроет тебя девятым валом. О нём не говорили громко. Отец понижал голос, Марина начинала суетиться, а я уходила к себе, потому что ещё пару лет назад случайно подслушала разговор о долге и о каком-то обещании. Тогда мне было восемнадцать. Тогда отец уверял меня, что взрослые решат всё без моего участия.

— Зачем он приедет?

— Хватит изображать дурочку, Алиса. Ты всё знаешь.

Я знала. Только до этой минуты цеплялась за то, что обещание можно отменить, долг можно вернуть деньгами, а человек не может стать залогом. Оказалось, может. Отец прошёл в гостиную, поставил бокал на стол и начал нервно проверять сообщения. Я смотрела на его спину и чувствовала, как в животе нарастает холодная тяжесть. Двадцать лет. Мне двадцать лет, я учусь на дизайнера, рисую на полях лекций дурацкие домики, мечтаю однажды открыть маленькую студию и никак не могу научиться водить машину, потому что отец считает это ненужной прихотью. И сейчас тот же человек собирается отдать меня мужчине, которого я видела дважды.

— Я не выйду за него.

Отец обернулся резко. Бокал опрокинулся, янтарная жидкость растеклась по светлому ковру, но он даже не заметил пятна. А может просто не захотел замечать, как он проделывает это с моими чувствами.

— Ты выйдешь за того, за кого я скажу! Ты думаешь, этот дом сам собой стоит? Думаешь, твоя учёба, поездки, одежда с неба упали? Когда мне перекрыли кредиты, Тарханов один дал деньги. Он вытащил компанию, которую твоя мать оставила тебе между прочим. И теперь пришло время выполнить условия.

— Компания принадлежала маме. Не тебе.

Я пожалела о словах раньше, чем договорила. Отец шагнул ко мне, и я отступила к тумбе. Он не ударил. На этот раз. Только приблизил лицо и прошипел так тихо, что от этого стало только страшнее.

— Твоя мать умерла. А я пятнадцать лет тащил тебя на себе. Сегодня ты сядешь за стол, улыбнёшься и не опозоришь меня. Ринат решил не ждать. Через два дня вы распишетесь.

Я рассмеялась. Не от веселья. У меня вырвался какой-то чужой звук, и вслед за ним потекли слёзы. Два дня. У меня оставалось два дня до свадьбы, о которой меня уведомили

между испорченным ковром и запахом лука из кухни. Марина появилась в дверях, оценила моё лицо и раздражённо поджала губы. На ней было синее платье с открытой спиной, новые серьги и выражение лица женщины, которая собирается представить, как товар, себя. Поздно дорога... Стань в очередь.

— Алиса, сходи умойся. И надень светлое платье. То, которое я положила на кровать.

— Я не выйду к нему.

Отец ударил ладонью по столу. Посуда в шкафу тонко звякнула.

— Выйдешь! Или я сам тебя выведу!

Я ушла в комнату, закрылась и долго сидела на полу между кроватью и шкафом. Телефон лежал в ладони, но звонить было некому. Моя подруга Катя сразу бы предложила полицию, побег, журналистов и ещё пять идей, которые прекрасно звучат, когда ты не знаешь, кто такой Ринат Тарханов. Я знала не всё. Но достаточно. Его фамилия мелькала в деловых новостях рядом с гостиницами, складскими комплексами и благотворительными фондами. А ещё её шептали там, где официальные новости заканчивались. Отец однажды сказал, что у Тарханова половина города берёт трубку с первого гудка. В тот вечер я поняла, что другая половина, скорее всего, вообще не хочет, чтобы он звонил.

К семи я всё же спустилась. Не потому, что смирилась. Мне нужно было увидеть мужчину, который решил, что может забрать меня вместе с долгом. На мне были чёрные брюки и белая рубашка. Никаких платьев. Волосы я оставила распущенными, хотя отец ненавидел, когда они лезли мне в лицо. Ринат вошёл без суеты. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, которое снял уже в прихожей и передал мужчине из охраны. Ему было тридцать восемь, но рядом с моим отцом он выглядел моложе и опаснее. Тёмные волосы, короткая борода, спокойный взгляд. Не злой. И это почему-то пугало больше всего.

— Алиса, — произнёс он, когда я подошла к столу.

— Ринат Сафарович.

Уголок его рта дёрнулся. Отец торопливо предложил выпить, Марина защебетала про ужин, а я смотрела на гостя и ждала, когда кто-нибудь наконец произнесёт слово «свадьба». Произнёс отец. Слишком быстро, слишком услужливо.

— Мы всё подготовим. Конечно. Если вы хотите послезавтра, значит послезавтра.

Ринат перевёл взгляд на меня. Я не отвела глаза, хотя колени стали ватными.

— Церемонии не будет. Регистрация, ужин для нескольких людей и всё. Алисе толпа сейчас ни к чему.

— А Алису кто-нибудь спросит? — вырвалось у меня.

Марина побледнела. Отец открыл рот, но Ринат поднял ладонь, останавливая его. Потом медленно отодвинул стул и встал.

— Спросим. В машине.

— В какой ещё машине?

— В моей. Ты уезжаешь со мной сегодня.

Вот тогда я впервые действительно испугалась. Не абстрактно, не из-за слухов и отцовских рассказов. Я поняла, что сейчас выйду из собственного дома и обратно могу уже не вернуться.

ГЛАВА 2

Я сидела на заднем сидении огромного внедорожника и считала фонари. Это оказалось единственным занятием, которое не давало разреваться снова. Сорок семь, сорок восемь, сорок девять. На пятидесятом машина свернула с центрального проспекта, и знакомые улицы закончились. Ринат сидел рядом, не касался меня, лишь просматривал сообщения в телефоне. От него веяло холодом и парфюмом. А еще табаком, хотя за весь вечер я не видела в его руке сигареты. Я прижимала к груди маленькую сумку. Больше мне ничего не позволили взять. Даже коробку с мамиными кистями отец оставил наверху, заявив, что потом всё передаст. Я знала, что не передаст.

— Ты всегда так молчишь, когда боишься? — спросил Ринат.

Я повернула голову к окну. За стеклом проносились мокрые витрины, люди спешили домой, кто-то тащил пакет с кормом, девочка в красной шапке прыгала через лужи. Их жизнь продолжалась, и от этого становилось обиднее.

— Я не боюсь.

— Врёшь плохо.

— А вы хорошо?

Он посмотрел на меня и неожиданно усмехнулся. Не издевательски. Скорее с интересом, как если бы я впервые сделала что-то, чего он от меня не ожидал.

— Иногда. Но тебе врать не собираюсь. Задавай вопросы.

— Почему сейчас? Отец говорил, у меня есть ещё год.

— Я изменил решение.

— Удобно.

Ринат убрал телефон во внутренний карман пиджака. Водитель впереди никак не реагировал на наш разговор, а я впервые заметила, что перегородки между салоном нет. Значит, всё слышит. Мне стало неудобно.

— Тебя никто не заставит бросить учёбу, Алиса. Ты закончишь колледж. Если захочешь поступить дальше, поступишь. Работа тоже будет, когда решишь, чем именно хочешь заниматься.

— И за это я должна быть благодарна?

— Нет.

Ответ был спокойным и быстрым. Я ожидала лекции о том, какой он щедрый, поэтому растерялась.

— Тогда зачем я вам?

— Мне нужна жена.

— Найдите женщину, которая хочет ею быть.

— Я нашёл тебя.

Я резко повернулась. Он не улыбался. Смотрел так, что я перестала слышать шум колёс. В его лице не было безумия или пьяной злости, к которой я привыкла дома. Там была уверенность человека, привыкшего получать желаемое и заранее просчитывать все наперед.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Машина остановилась через сорок минут. Я ожидала дворец с мраморными львами, золотыми воротами и толпой вооружённых мужчин, потому что мозг в панике рисовал самое нелепое. Дом оказался современным, тёмным, вытянутым вдоль соснового участка. Большие окна, камень, дерево, тёплый свет. Во дворе стояли две машины и работал садовый фонарь, подсвечивая маленький пруд. Я вышла и сразу замёрзла. Пальто осталось дома, потому что из при-

хожей меня вывели так быстро, что я не успела его взять. Ринат снял пиджак и набросил мне на плечи.

— Не надо.

— Замёрзнешь.

— Мне всё равно, — передернула плечами я.

— А мне нет, — парировал он.

Пошел дальше, а я за ним. К крыльцу. Он взял меня за локоть, а я дернулась. Это прикосновение было коротким, невинным, но тело отреагировало странно. Я напряглась вся, аж до боли в спине. Ринат почувствовал это и убрал руку.

В доме нас встретила женщина лет пятидесяти, представилась Тамарой Петровной и сразу предложила ужин. Я отказалась. Ринат не настаивал. Он провёл меня на второй этаж, открыл дверь комнаты и включил свет. Я приготовилась увидеть свадебное платье, шелка, цветы и всё то, чем обычно пытаются задобрить женщину, у которой отняли право выбора. Вместо этого увидела большой письменный стол у окна, коробки с художественными материалами, новый планшет для рисования и полки, пока пустые.

— Что это?

— Твоя комната до регистрации. Ты говорила на собеседовании в колледже, что хочешь работать профессионально и рисуешь эскизы от руки. Я заказал то, чем ты обычно пользуешься. Если чего-то не хватает, скажешь.

Меня передёрнуло. Снова. Я подошла к столу, коснулась пальцем закрытого альбома и сразу отдернула руку. Всё было новым, дорогим и подобранным не случайно, а от этого комната напоминала не подарок, а доказательство того, как тщательно меня препарировали.

— Вы изучали меня?

— Да.

Ринат не стал оправдываться и даже не отвёл взгляд. Он стоял у двери спокойно, а меня бесило именно это спокойствие, потому что мою жизнь уже разобрали на части без моего разрешения.

— Это ненормально.

— Возможно.

Он прошёл к двери, но я не дала ему уйти. Вопрос, который весь вечер сидел в горле, оказался важнее страха показаться неблагодарной.

— Вы запрёте меня?

Ринат задержал руку на дверной ручке и посмотрел на меня внимательнее. В коридоре кто-то прошёл мимо, потом снова стало тихо.

— Сегодня охрана не выпустит тебя за ворота. Дверь комнаты открыта. По дому ходи где хочешь.

— Отличная свобода.

Я обхватила себя руками и отошла к окну. За стеклом темнел сад, на дорожках стояли люди охраны, и даже без замка я отлично понимала пределы разрешённой свободы.

— Алиса, я не собираюсь делать вид, что ты пришла сюда добровольно. Но и держать тебя на цепи никто не будет. Мне нужно, чтобы до свадьбы ты не устроила побег и не навредила себе.

— А может это вы мне навредите?

Он посмотрел серьезно, без попытки смягчить смысл ответа. От этого честность впервые показалась страшнее угрозы.

— В том числе.

Я понятиво кивнула и отошла в сторону.

Дверь закрылась, и я осталась одна. Первые пять минут я проверяла окна, замок, балконную дверь. Потом нашла в ванной новые полотенца, зубную щётку в упаковке, косметику,

даже мою марку шампуня. Это пугало сильнее пустой комнаты. Кто-то знал, чем я мою волосы. Кто-то знал размер обуви. Кто-то знал, что я терпеть не могу лаванду и люблю запах зелёного чая. Я села на пол у кровати и разрыдалась уже без попытки остановиться.

Поздно ночью в коридоре раздались шаги. Я вскочила, вытерла лицо и приготовилась захлопнуть дверь, если Ринат войдёт. Он не вошёл. Остановился с другой стороны.

— Алиса?

— Что?

— Завтра в десять придёт женщина с каталогами. Свадебное платье выберешь сама. Ничего покупать без тебя не будут.

— Мне всё равно, в чём идти на собственную казнь.

Тишина длилась несколько секунд.

— Я не трону тебя до свадьбы.

— Какая честь.

— Спи.

Он ушёл, а через час я услышала, как на первом этаже хлопнула входная дверь. Утром Тамара Петровна обмолвилась, что хозяин вернулся после трёх. Я ещё не знала, к кому он ездил той ночью.

Вероника ждала его в квартире над рестораном. Тридцать два года, длинные тёмно-русые волосы, тонкое шёлковое платье и глаза женщины, которая чувствует его настроение. Сегодня она не бросилась к Ринату на шею. Почувствовала, что он не в духе. Только поставила бокал на стол и спросила, почему он пропал на четыре дня.

— Послезавтра я женюсь.

Вероника побледнела. Она знала, что этот день наступит. Ринат не обещал ей семью, не говорил о совместной старости и всегда честно предупреждал, что однажды женится. Но знание и реальность оказались разными вещами.

— На той девочке?

— На Алисе.

— Ты собирался ждать ещё год.

— Передумал. Ей уже двадцать.

Она отвернулась к окну. Внизу горели вывески, по мокрой дороге проезжали такси. Ринат подошёл, коснулся её плеча, но Вероника резко отстранилась.

— Не жалею меня. Лучше скажи, что теперь будет со мной.

— Ничего не изменится, если ты сама не захочешь уйти.

— У тебя будет жена, Ринат.

— Я знаю.

— А она знает, что у тебя есть я?

Он промолчал. Вероника горько улыбнулась и только тогда посмотрела ему в глаза.

— Вот с этого и начнётся твоя идеальная семейная жизнь.

ГЛАВА 3

Утром я проснулась от запаха кофе и сначала не поняла, где нахожусь. Потолок был незнакомым, за шторами шумели сосны, а на кресле лежал вчерашний пиджак Рината. Я уснула в нём, потому что в комнате было прохладно, а попросить плед показалось унижительным. Потом память вернулась сразу, вся, и я натянула одеяло до подбородка. Хотелось провести под ним день, неделю, месяц, пока взрослые мужчины наконец не решат перестать распоряжаться моей жизнью. Вместо этого пришлось вставать. В десять придёт женщина с каталогами. Через сутки я стану Тархановой.

Ринат ждал за столом на террасе. На нём белая рубашка с закатанными рукавами, контрастирующая со смуглой кожей. Смотрел новости в планшете, рядом остывал завтрак. Мне подали сырники, ягоды и чай, хотя дома по утрам я обычно хватала кофе и бежала. Я нахмурилась. Он заметил.

— Не нравится?

— Я не ем сладкое утром.

— Исправим.

— Не надо ничего исправлять. Я могу сама сказать, что хочу.

— Говори, — кивнул он.

Я ожидала раздражения. Его не было. Ринат подозвал Тамару Петровну и попросил принести омлет, овощи и кофе. Никто не спорил, никто не уточнял, уверена ли я. Через десять минут передо мной стояла тарелка, а Ринат продолжал листать экран. Такая бытовая мелочь почему-то ударила сильнее подарков в комнате. Дома отец всегда решал, что мне есть, во сколько возвращаться, что надевать. Здесь мужчина, который фактически купил меня, впервые за утро выслушал моё обычное «не хочу».

— Я хочу задать вопрос, — сказала я.

— Задавай.

— Почему отец должен вам столько денег?

Ринат положил планшет на стол. Несколько секунд смотрел на меня, выбирая, сколько сказать.

— Три года назад он вложил деньги компании твоей матери в проект, который не должен был существовать. Потерял всё. Потом занял у людей, которым нельзя задерживать возврат. Плюс он игроман. Не знала? Я закрыл его долг и забрал долю в бизнесе.

После смерти мамы мне перешёл её контрольный пакет, но Олег сохранил свою долю и остался генеральным директором. Пока я была несовершеннолетней, он ещё и представлял мои интересы как отец, поэтому распоряжался компанией почти единолично. После восемнадцати формально собственницей большей части бизнеса была я, а все текущие решения, счета и договоры по-прежнему проходили через него. Я никогда не вникала и даже не представляла, насколько глубоко он залез в то, что принадлежало маме и мне.

— А меня?

— Тебя предложил он.

Кофе стал горьким настолько, что я отставила чашку. Всю жизнь отец рассказывал другую историю. Тарханов увидел меня, потребовал в жены и поставил условие. Отец изображал жертву, которая вынуждена подчиниться ради семьи.

— Вы лжёте.

— Нет. С чего ты взяла? Зачем мне врать? — посмотрел на меня.

— Он сказал, что это вы потребовали меня.

— В первый раз, когда он заговорил о браке, тебе было семнадцать. Я отказался даже обсуждать это. Через год он вернулся к теме. Я увидел тебя на выставке колледжа, когда тебе

уже исполнилось восемнадцать. Тогда согласился рассмотреть его предложение, но поставил срок. До двадцати никто тебя не трогает и никакой свадьбы.

— А теперь что-то изменилось?

— Да.

— Почему?

Ринат встал, подошёл к краю террасы. По участку шёл охранник с собакой, где-то работала садовая техника. Он долго смотрел туда, потом обернулся.

— Потому что твой отец снова полез в долги. На этот раз решил расплатиться тобой второй раз. Он уже договорился о встрече с Аркадием Власовым, владельцем банка. Вдовец, намного старше тебя. Я узнал об этом раньше, чем Власов успел приехать.

Меня затошнило. Даже слово «покупатель» уже не резало так сильно, потому что всё остальное оказалось хуже. Получалось, Ринат не ускорил свадьбу из прихоти. Он вытащил меня из одного договора, чтобы подписать другой. Лучше от этого не становилось.

— И вы решили опередить его?

— Да. Не считаю этот способ красивым, Алиса. Но твоему отцу я больше не оставляю возможности торговаться тобой.

Я отодвинула чашку. Хотелось поблагодарить и одновременно швырнуть в него чем-нибудь тяжёлым. Спасение, после которого тебя всё равно ведут к алтарю, не очень похоже на свободу.

— Тогда я тоже кое-что решу. Никакого свадебного платья.

— Хорошо.

— Я серьёзно...

— Я тоже. Наденешь то, что выберешь сама, — спокойно и даже равнодушно прозвучал его голос.

Он снова меня обезоружил, и это бесило. Хотелось ссориться, но он не реагировал на мои попытки. В итоге я оставила это дело.

Через час приехала женщина с двумя помощницами, каталогами и десятком кофров. Я выбрала не пышное платье, а закрытое молочное, с длинными рукавами и гладкой юбкой. Не потому, что оно нравилось. Потому что в нём я меньше всего походила на счастливую невесту.

После примерки Ринат зашёл в комнату. Я стояла перед зеркалом босиком, портниха закалывала ткань на талии. Мужчина остановился у двери и замолчал. Впервые в его спокойствии появился сбой. Взгляд прошёлся по моим волосам, плечам, по платью и задержался на лице.

— Выйдите, — велел он женщинам.

Они собрали булавки и исчезли. Я осталась у зеркала, не поворачиваясь.

— Что?

— Тебе идёт, — прозвучало неожиданно.

— Спасибо.

— Алиса?

Я всё же посмотрела на него через отражение.

— После регистрации я не стану требовать от тебя близости, если ты будешь в панике. Я хочу, чтобы ты это знала заранее и не боялась меня, как огня.

Щёки вспыхнули так резко, что я разозлилась ещё больше.

— Очень великодушно!

— Не язви. Я говорю серьёзно.

— А если я вообще никогда не захочу?

Он подошёл ближе, но остановился в нескольких шагах. Взгляд налился чернотой. И в нём впервые появилось то, что я помнила с нашей встречи два года назад в день, когда мне исполнилось восемнадцать. Желание. Жажда обладать.

— Тогда у нас будет проблема, — сказал Ринат. — Но решать её силой я не стану.

Я повернулась к нему лицом. Мне хотелось верить. И одновременно я понимала, что человек, который решил жениться на мне по долговой договорённости, всё равно остаётся человеком, способным диктовать чужую судьбу.

— А если я сбегу сегодня ночью?

— Не сбежишь.

— Откуда такая уверенность?

— Я усилил охрану после разговора с твоим отцом. Ты пока не знаешь, насколько он зол, что я забрал тебя раньше.

Телефон Рината завибрировал. Он посмотрел на экран и впервые за всё утро изменился в лице.

— Что случилось?

— Ничего, что касается тебя.

Он вышел, закрыв дверь. Я подошла к окну и увидела, как через пять минут во двор въехала ещё одна машина с охраной. А потом поняла, что свадьба, возможно, не самая страшная вещь, которая начинается вокруг меня.

ГЛАВА 4

Регистрация прошла в старом особняке на окраине города, который Ринат арендовал целиком. Никаких сотен гостей, оркестра и фотографов. Двенадцать человек, государственный регистратор, стол в зимнем саду и белые цветы, которые пахли так сильно, что у меня разболелась голова. Отец не приехал. За два дня он ни разу не позвонил. Марина прислала сухое сообщение с пожеланием счастья, а потом фотографию моего старого шкафа и вопрос, можно ли выбросить вещи, которые я не забрала. Я ничего не ответила. На свадьбу из моей прежней жизни пришла только Катя. Ринат разрешил без возражений, даже прислал за ней машину. Ужин обслуживала выездная команда одного из его отелей, поэтому среди персонала были люди, которых Ринат хорошо знал.

Подруга обняла меня в комнате для невесты и расплакалась. Я держалась до этого момента. Пока стилист поправляла волосы, пока надевала платье, пока женщина застёгивала на моём запястье тонкий браслет, я была спокойной. Увидела Катю и всё. Пришлось закрыть лицо ладонями, чтобы не размазать макияж.

— Я тебя украду, — прошептала она. — Серьёзно. Сейчас выйдем через кухню, сядем в такси и уедем к моей тётке в Псков.

Я засмеялась сквозь слёзы.

— Нас найдут раньше, чем мы доедем до вокзала.

— Тогда я его отправлю.

— Катя.

— Что? Я варианты предлагаю.

Она всегда спасала меня таким способом. Болтовнёй, абсурдом, попыткой рассмешить там, где хотелось лечь на пол и свернуться калачиком. Я обняла её ещё раз, вытерла лицо и вышла в коридор. Ринат ждал у лестницы. Тёмный костюм, белая рубашка, без галстука. Он смотрел не на платье, а мне в лицо, и это почему-то помогло пройти последние метры.

— Готова?

— Нет.

— Я тоже.

Я удивлённо вскинула голову.

— Вы умеете волноваться?

— Иногда.

Церемония заняла меньше десяти минут. Когда регистратор спросила о согласии, у меня пересохло во рту. Я посмотрела на Катю, потом на дверь, потом на Рината. Он не подсказывал ответ, не сжимал мне руку, не торопил. Ждал. В этот короткий промежуток я впервые ясно поняла, что могу сказать «нет». Последствия будут. Отец утонет в долгах, неизвестный второй «покупатель» снова появится, а Тарханов, возможно, уйдёт. Но слово всё равно моё.

— Да, — произнесла я.

Не из любви. Из страха перед тем, что ждёт снаружи, и из странной уверенности, что рядом с Ринатом опасность хотя бы имеет лицо.

После подписи он надел мне кольцо. Изящное, гладкое, без камней. Я выбрала его сама накануне. Ринат наклонился и спросил очень тихо, чтобы слышала только я.

— Можно тебя поцеловать?

От вопроса стало жарко. Я кивнула. Его ладонь легла мне на талию, губы коснулись моих мягко, без давления. Поцелуй длился недолго, но я всё равно отступила первой. Катя смотрела на нас с таким выражением, что позже я обязательно должна была получить допрос с пристращением.

За ужином я почти не ела. Зато заметила женщину в тёмно-зелёном платье, которая стояла в дальнем конце зимнего сада. Красивая, взрослая, с очень спокойным лицом. Она не подходила к столу, только время от времени отвечала официантам и проверяла, как работает персонал. Я решила, что она руководит обслуживанием. Но смотрела женщина не на столы. На Рината. Один раз наши глаза встретились. Она отвела взгляд, и я увидела влажный блеск в ее глазах.

— Кто это? — спросила я мужа.

Ринат проследил за моим взглядом. Лицо осталось неподвижным.

— Сотрудница.

Через минуту женщина исчезла. К дому мы приехали после десяти. Я устала так, что дрожали ноги. Тамара Петровна помогла снять платье и ушла, оставив меня в комнате одну.

На кровати лежала новая ночная сорочка, но я спрятала её в шкаф и надела длинную футболку. Если сегодня ничего не произойдёт, я буду счастлива. Если произойдёт... Что ж... так тому и быть...

Ринат постучал около полуночи. Я открыла не сразу. Он уже снял пиджак, расстегнул две верхние пуговицы рубашки, волосы были влажными после душа.

— Можно войти?

— Это ваш дом.

— Теперь наш. И я спрашиваю про твою комнату.

Я отошла. Он вошёл и остановился у окна. Несколько секунд мы молчали, как два человека, которые случайно застряли в лифте.

— Я не знаю, как это должно происходить, — выпалила я. — И не хочу, чтобы вы думали, что если я сказала «да» там, то теперь должна сказать «да» всему остальному.

— Не думаю.

— Тогда зачем вы пришли?

— Потому что хотел тебя увидеть.

Он подошёл, взял мою ладонь. Я не вырвала руку. Пульс стучал в висках, так, что разболелась голова. Ринат поднёс мои пальцы к губам и оставил короткий поцелуй на костяшках.

— Алиса, я хочу тебя. Это правда. Но сегодня ничего не будет, если ты не хочешь.

Я посмотрела на него. Вблизи он казался ещё крупнее, старше, опаснее. И привлекательнее, что бесило особенно. Тело не интересовалось моими моральными выводами. Оно замечало его голос, тепло ладони и то, как рубашка натянулась на плечах.

— А если я скажу, что не знаю?

— Тогда мы остановимся на поцелуе.

Он наклонился медленно. Я успела бы отступить, но не сделала этого. Губы встретились, и на этот раз поцелуй был другим. Дольше, глубже, горячее. Ринат обнял меня, но не притянул силой. Я сама ухватила пальцами за его рубашку, потому что колени стали слабыми. От этого движения он замер, отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Всё нормально?

Мне было страшно. И мне нравилось. Две вещи существовали одновременно, от чего хотелось злиться и плакать.

— Да.

Он поцеловал меня ещё раз, потом в висок, в щёку и вдруг отступил.

— Спи. Завтра будет тяжёлый день.

— Вы уходите?

Вопрос вылетел раньше, чем я успела его остановить. Ринат усмехнулся очень тихо.

— А ты хочешь, чтобы я остался?

— Я ничего не сказала.

— Вот и я ничего не услышал.

Он вышел. А я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и несколько минут стояла, чувствуя на губах его вкус. Самое страшное было не то, что муж оказался не чудовищем из моих кошмаров. Самое страшное, что мне захотелось узнать, каким он бывает, когда перестаёт себя сдерживать.

ГЛАВА 5

Утром я решила, что прошлой ночью ничего особенного не произошло. Муж поцеловал жену, жена растерялась, муж ушёл. Нормальная семейная жизнь, если не учитывать долг, охрану и тот факт, что ещё неделю назад я могла пройти мимо Рината на улице и сделать вид, что не узнаю. Эта версия держалась ровно до завтрака. Он сидел напротив, пил чёрный кофе и разговаривал по телефону, а я не могла не смотреть на его рот. На собственную глупость я разозлилась так сильно, что дважды уронила вилку.

— Алиса, ты сегодня воюешь со столовыми приборами?

— Я не выпалась.

— Я тоже.

Он убрал телефон и посмотрел так, что я сразу поняла причину его бессонницы. У меня вспыхнули уши. Хотелось провалиться под стол, но в то же время внутри разлилось странное довольство. Мне нравилось, что этот взрослый, уверенный мужчина тоже не спал после одного поцелуя. Нравилось больше, чем следовало.

После завтрака он уехал. Я ходила по дому, разглядывала комнаты и открывала шкафы, на которые теперь имела право. Нашла библиотеку, небольшой спортзал, кабинет с запертой дверью и кухню, где Тамара Петровна ругалась с поставщиком из-за несвежей зелени. К обеду я уже знала, где лежат чашки и почему кофемашина пищит после каждого второго напитка. Это было нелепо, но бытовые детали немного снимали страх. Тюрьма не должна пахнуть свежееиспечённым хлебом и не должна иметь ящик, забитый пакетиками с кормом для старого кота Тамары Петровны, который приходил с улицы через специальную дверцу.

Ринат вернулся поздно. Я сидела на полу в своей комнате и рисовала план мастерской, которую когда-нибудь хотела открыть. Он постучал, вошёл и сел на край кресла, не снимая пальто.

— Устал? — спросила я и тут же удивилась себе.

— Есть немного.

— Тамара Петровна оставила ужин.

— Не хочу есть.

Он выглядел не так, как утром. Взгляд тяжёлый, движения сдержанные. Я вспомнила женщину со свадьбы и неприятно почувствовала, как в груди шевельнулась ревность. Глупая, ранняя, совершенно неуместная.

— Вы были у своей сотрудницы?

Ринат поднял глаза.

— У какой?

— Которая плакала на свадьбе.

Он молчал дольше, чем следовало. Этого хватило.

— Понятно.

Я вернулась к рисунку, хотя линии поплыли. Он подошёл, забрал у меня карандаш и положил на стол.

— Ничего тебе не понятно.

— Тогда объясните.

— Не сегодня.

Я вскочила. На этот раз злость победила смущение.

— Значит, про мой завтрак, шампунь и учебу вы знаете всё. А я даже не имею права спросить, с кем мой муж проводит вечера?

Слово «муж» создало паузу между нами. Ринат нахмурился. Потом закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Ты права. Вероника работала на меня много лет. И у нас были отношения.

— Были?

— Алиса...

— Это не ответ.

— Я женился вчера. Мне нужно разобраться с прошлой жизнью.

От этих слов стало ещё хуже. Не «закончил отношения», не «всё кончено», а «нужно разобраться». Я схватила карандаш и так сильно нажала на бумагу, что грифель сломался.

— Уходите.

Он не спорил. Подошёл, коснулся моей щеки, но я отвернулась. Ринат убрал руку.

— Хорошо. Но завтра мы договорим.

— Мне уже достаточно.

— А мне нет.

Ночью я не спала. Около двух услышала, как он прошёл по коридору, потом остановился у моей двери. Не постучал. Через несколько секунд шаги удалились.

Следующий день тянулся серым и злым. Я специально не выходила к завтраку, отказалась от обеда, а к вечеру голова начала болеть от голода. Тамара Петровна принесла чай и без всяких расспросов поставила тарелку с бутербродами. Я съела всё до крошки и почувствовала себя ещё глупее. Ринат вернулся в десять. Я услышала машину, но решила не выходить. Через двадцать минут он всё же пришёл.

— Мы поговорим.

— Не хочу.

— Тогда я поговорю, а ты послушаешь.

Он сел напротив и несколько секунд подбирал слова. Для Рината это было необычно. Обычно он говорил коротко и уверенно.

— Вероника была частью моей жизни пять лет. Я не обещал ей брак, она знала о моих планах. Но это не значит, что я могу вышвырнуть человека за один вечер и сделать вид, что ничего не было. Три дня назад я сказал ей о свадьбе. После свадьбы мы не виделись.

— А завтра?

Он посмотрел на меня жёстко.

— Я не знаю, Алиса. Я не собираюсь тебе врать.

Мне стало больно от этой честности. Хотелось, чтобы он соврал красиво. Сказал, что никакой женщины больше нет и вообще никогда не было. Вместо этого мужчина передо мной оставался тем, кем являлся. Неудобным, эгоистичным, не привыкшим перестраивать жизнь из-за чужих чувств.

— Тогда зачем вы пришли ко мне?

— Потому что хочу быть здесь.

Он встал. Я тоже, сама не понимая зачем. Ринат коснулся моего лица, и на этот раз я не отвернулась. В груди всё ещё болело, но рядом с этим жило желание, которому не было дела до Вероники.

— Если я скажу остановиться, вы остановитесь?

— Да.

— Сразу?

— Сразу.

Я кивнула. Мне было стыдно за собственное решение, страшно и одновременно невыносимо любопытно. Ринат поцеловал меня медленно. Не как прошлой ночью. В этот раз он уже не держал дистанцию, но и не торопился. Ладони прошли по спине, задержались на талии. Я почувствовала его силу, его желание, тяжесть дыхания у моего виска. Когда стало страшно, я замерла. Он тоже остановился.

— Всё?

— Нет. Подождите.

Мы сидели на краю кровати, пока я пыталась привести мысли в порядок. Ринат не шутил и не подгонял. Потом я сама коснулась его шеи, провела пальцами по коротким волосам и поцеловала первой. Этого оказалось достаточно, чтобы остаток вечера перестал быть разговором. Он был горячим, взрослым, неловким для меня и неожиданно бережным с его стороны. Я не запомнила последовательность движений, потому что следила только за собственными ощущениями, за тем, как менялся его голос, как он спрашивал взглядом, всё ли нормально, и как постепенно страх уходил. Когда близость закончилась, я лежала у него на плече и слушала дождь за окном.

— Больно? — сп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.